

Федченко Григорий Павлович

Очерки промышленности

Тряпье и писчая бумага

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Павлович Ф.**
Очерки промышленности: Тряпье и писчая бумага / Федченко Григорий Павлович – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 86 с.

ISBN 978-5-519-78881-6

ISBN 978-5-519-78881-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Тряпичники и ихъ промыселъ. — На что идетъ старое тряпье? — На чемъ писали древніе народы? — Кто изобрелъ дѣлать писчую бумагу? — Когда и какъ научились въ Россіи дѣлать писчую бумагу?—

Раннимъ утромъ мимо нашего дома проходитъ бѣднякъ, едва прикрытый рубищемъ, съ палкою въ рукѣ и грязнымъ заплатаннымъ мѣшкомъ за спиною. Онъ не протягиваетъ руки проходящимъ, не выпрашиваетъ милостыни; онъ идетъ на работу. Это одинъ изъ тѣхъ бѣдняковъ труженниковъ, которые подъ открытымъ небомъ, то на улицахъ, то за городомъ, — куда свозятъ нечистоты, — трудятся съ ранняго утра до глубокой ночи, въ дождь и слякоть зарабатываютъ себѣ насущный хлѣбъ. Ихъ честный промыселъ заслуживаетъ нашего сочувствія. Встрѣтивши кучу сора, грязи и мусора, они копаются палкою въ грязи и брошенной дряни, ищутъ старыхъ тряпокъ, ветоши, локутковъ, клочковъ бумаги, обрывковъ платья и бѣлья.

Эти бѣдьяки — *городскіе тряпичники*; старая ветошь и грязная, никому негодная тряпка, собранная ими, составляютъ массу того тряпья, изъ котораго

выдѣлывается наша писчая бумага, которая даетъ работу сотни тысячамъ рабочихъ и занимаетъ огромные капиталы. Городскіе тряпичники, или по найму, или по подряду, или изъ одного куска хлѣба собираютъ тряпье и сносятъ его въ лавочки, торгующія всякимъ хламомъ; въ этихъ лавочкахъ накаплиются запасы тряпья; отобранное, отсортированное, высушенное, оно составляетъ уже товаръ, идетъ въ продажу оптовымъ покупателямъ и фабрикантамъ.

Не въ однихъ городахъ собирается тряпье и промышляютъ тряпичники. На большихъ нашихъ ярмаркахъ за лыкомъ и рогожами тянутся огромные балаганы, набитые тряпьемъ. Главная масса его собрана и скуплена по деревнямъ. Сборомъ этого тряпья занимаются у насъ коробочники, веретенники, тряпичники; имъ промышляютъ крестьяне, преимущественно нижегородцы и владимірцы.

Съ ранней весны поднимается тряпичникъ изъ своей деревни на промыселъ. Взявши въ долгъ или купивши на нѣсколько десятковъ рублей всякаго мелкаго товара,—поясковъ, гайданчиковъ, лентъ, крестиковъ, шнурку, иголокъ, серегъ и прочей мелочи, онъ ѣдетъ по деревнямъ и мѣняетъ свой товаръ на тряпье. Крестьянки и деревенскіе ребята платятъ ему за товаръ узелками стараго негоднаго тряпья. Набравши тряпья въ одной деревнѣ, тряпичникъ ѣдетъ въ другую, третью. На сельскихъ базарахъ своимъ чередомъ идетъ обмѣнъ тряпья на грушу и маковую избойну. До сенокоса разъѣзжаетъ тряпичникъ, вымѣнивая тряпье и

скупая его у другихъ промышленниковъ; набравши нѣсколько сотъ пудовъ тряпья, онъ вывозитъ его въ городъ, на ярмарку. Скопивши денежку, тряпичникъ отъ мелкаго промысла переходитъ къ болѣе крупному; онъ начинаетъ дѣлать поѣздки не по однимъ окрестнымъ деревнямъ, а уѣзжаетъ съ своимъ товаромъ за тысячу и болѣе верстъ.

Тряпичнику дорога тряпица холстинная; для него хороша деревня не та, гдѣ женское рукодѣліе позаброшено, гдѣ любятъ ситцы, миткали и кумачи фабричные; онъ ищетъ деревень, гдѣ работаютъ домашній льняной холстъ, носятъ пеньковую пестрядь. Онъ забирается въ губерніи, Казанскую, Вятскую, Пермскую, гдѣ народъ позажиточнѣе, гдѣ платки и ситцы товаръ привозной, — красный подарочекъ. Тряпичникъ ѣдетъ туда съ краснымъ товаромъ болѣе цѣннымъ, беретъ зеркальца, гребенки, платочки, чулки, пряники; торгуетъ ситцами, шерстяными и шелковыми товарами; у него есть духи и помада. Онъ уже не простой мѣновщикъ на тряпье, онъ купецъ и продавецъ. Онъ продаетъ за деньги свой коробочный товаръ и на деньги же набираетъ тряпье или чрезъ своихъ ребятъ (прикащиковъ), или сватовъ-туземцевъ. Огромная масса деревенскаго тряпья набирается и вымѣнивается тряпичниками въ нашихъ деревняхъ; къ Нижнему-Новгороду сплавляется по Волгѣ не одна барка, нагруженная тряпьемъ. Десятки тысячъ рукъ заняты у насъ этимъ, по видимому, мелочнымъ дѣломъ; много крупныхъ капиталовъ сколочено подъ вліяніемъ тряпичной мѣновой торговли.

Тряпье, собранное по деревнямъ, вырытое изъ помойныхъ ямъ, мусору и грязи, представляетъ весьма важный, почти незамѣнимый матеріалъ; изъ него мы выдѣлываемъ себѣ бумагу. Холстъ, полотно и вообще всякая ткань служить намъ бѣльемъ, платьемъ; отслуживши свой вѣкъ, изорванная, загрязненная, вырытая изъ грязи, она идетъ на выдѣлку бумаги и, — нельзя сомнѣваться въ томъ, — наша грязная, дрянная тряпка дастъ бумагу, которая, пойдетъ, быть можетъ, на изданіе великаго, безсмертнаго творенія и, тѣмъ самымъ, принесетъ человѣчеству несравненно болѣе пользы, чѣмъ вещь повидимому, самая дорогая, цѣнная.

Писчая бумага составляетъ для насъ предметъ столь обыкновенный, — глазъ нашъ до того свyksъ съ нею, что большинство не думаетъ вѣроятно о томъ, какое великое значеніе имѣетъ бумага для современнаго намъ общества, какую огромную услугу оказало человѣчеству изобрѣтеніе выдѣлывать бумагу изъ стараго негоднаго тряпья. А между тѣмъ, едва ли какое либо другое издѣліе принесло и приноситъ такую огромную пользу въ образованіи и развитіи человѣчества, какую оказала писчая бумага; нисколько не преувеличивая, можно сказать, что старому тряпью и бумагѣ, выдѣланной изъ него, мы много обязаны въ нашемъ умственномъ и нравственномъ развитіи. Образованіе наше сдѣлало свой огромный шагъ, благодаря дешевизнѣ и удобству бумаги, какъ матеріала для воспроизведенія дѣлъ, мыслей, настоящаго и прошедшаго.

Только дикарю, человѣку безграмотному, живущему особнякомъ, для котораго нѣтъ ни общества, ни торговли, существующему, какъ дитя природы, безъ всякой потребности въ развитіи, совершенствованіи, только для такого человѣка бумага не имѣетъ важнаго значенія. Она ему если и надобна, то для одного развѣ только домашняго обихода. Но чѣмъ человѣкъ становится грамотнѣе, развитѣе, тѣмъ потребность въ бумагахъ ощущается имъ больше и сильнѣе.

Начнемъ съ азбуки. Чтобы научить ребенка грамотѣ нужна бумага и для той азбуки, по которой онъ учится, и для прописей, и для тетрадокъ. Научившись читать и писать, онъ не отходитъ отъ бумаги; она необходима ему на каждомъ шагѣ. Чтобы написать письмо нужно имѣть листокъ бумаги. Человѣку торговому, промышленному, оборотливому, купцу нужна бумага, чтобы вести свои дѣла; безъ письменныхъ сношеній невозможны обороты, безъ торговыхъ книгъ не мыслима торговля правильная. Писателю, ученому и вообще человѣку, который служитъ обществу своимъ умственнымъ трудомъ, бумага, перо, чернилы и карандашъ—его оружіе; безъ нихъ, какъ портной безъ ткани, нитокъ и иголки, какъ сапожникъ безъ кожи и дратвы,—онъ обойтись не можетъ.

Труды ученыхъ, творенія великихъ писателей сдѣлались достояніемъ каждаго изъ насъ благодаря бумагѣ. Лѣтописи, историческіе документы сложились по тому что была бумага, на этой бумагѣ извѣстными знаками, или письменами, умѣли и умѣемъ излагать свои мы-

сли, передавать другимъ и нашему потомству случившееся, все съ нами и вокругъ насъ совершающееся. Не имѣемъ ли послѣ этого права сказать, что для человѣка современнаго образованнаго писчая бумага предметъ первой необходимости, насущный хлѣбъ для его духовной жизни.

Представьте себѣ человѣка, который умѣетъ писать въ которомъ есть жажда излагать свои мысли; представьте его сидящимъ въ четырехъ стѣнахъ, или живущимъ въ какомъ-нибудь обществѣ дикарей, онъ лишенъ бумаги и всѣхъ средствъ имѣть, купить ее, но недостатокъ бумаги неостановитъ его; внутренняя потребность человѣка будетъ такъ велика, что онъ станетъ излагать свои мысли, вести счетъ, изображать предметы ему дорогіе: на камнѣ, на стѣнѣ, на деревѣ, на кожѣ. Не имѣя пера и карандаша онъ чертитъ ножомъ, иглою, кремнемъ. Не одинъ человѣкъ образованный, учившійся, но и безграмотный ощущаетъ потребность знакомыми ему знаками выражать, на примѣръ счетъ. Не только нашъ безграмотный крестьянинъ, но и дикарь, монголъ, киргизъ и калмыкъ, рѣжетъ на «биркѣ» (палочкѣ) черточки и крестики, ими записываетъ онъ свой счетъ; неграмотный разнощикъ, булочникъ, водовозъ ставитъ черточки углемъ, мѣломъ и гдѣ-нибудь на стѣнкѣ ведетъ свое счетоводство.

Въ положеніи весьма близкомъ къ такимъ безграмотнымъ писакамъ были древніе. Наша писчая бумага имъ была неизвѣстна, условные наши знаки или письмена еще не сложились; а между тѣмъ потреб-

ность передать потомству память о себѣ, сохранить воспоминанія о дѣлахъ великихъ людей — ощущалась. Изустныя преданія, ходившія въ народѣ, накапливались, складывались былины, вѣрованія и, понятно, чѣмъ народъ развивался больше и былъ богаче опытами прожитаго, тѣмъ потребность въ изображеніи, въ письменности, становилась ощутительнѣе.

Самаго живаго интереса исполнены для насъ попытки древнихъ воспроизводить въ памятникахъ и рукописяхъ событія, былины и повѣрья народныя. Прежде чѣмъ выдѣлка бумаги, предмета повидимому столь простаго и не хитраго, стала извѣстною и возможною, прошли тысячелѣтія, въ которыя человѣкъ пользовался для письма матеріалами самыми разнохарактерными. Писчею бумагою служили: камень, кирпичъ, листья растеній, кора и стволъ деревьевъ, стебли папируса, кость, черепаха, кожа животныхъ и даже самаго человека.

Писчая бумага, подобная той, какую мы нынѣ знаемъ, появилась въ Европѣ и вошла въ употребленіе около 600 лѣтъ тому назадъ. Однимъ изъ первыхъ памятниковъ считается въ этомъ отношеніи письмо принца Жуанвильскаго, писанное въ 1270 году къ королю французскому Святому Людовику. Письмо это написано на бумагѣ, приготовленной изъ тряпья.

Но когда и кѣмъ именно изобрѣтена была писчая бумага мы не знаемъ; да и трудно, если только не бесполезно, отыскивать изобрѣтателя тамъ, гдѣ изобрѣтеніе сложилось изъ длиннаго, разнообразнаго ря-

да опытовъ, продолжавшихся не года, но цѣлыя столѣтія.

Положительно извѣстно только, что впервые писчая бумага получила общественное значеніе и стала выдѣлываться въ большемъ количествѣ въ Китаѣ и Японіи. Китайцы, подарившіе намъ порохомъ и компасомъ, познакомившіе съ шелкомъ и его обработкою, были первыми учителями и въ дѣлѣ писчебумажнаго производства. Уже за 2000 лѣтъ до Рождества Христова у Китайцевъ и Японцевъ писчая бумага была во всеобщемъ употребленіи; они дѣлали ее изъ хлопчатой бумаги, волоконъ бамбуковаго дерева, бумажной шелковицы (бруссонеціи), коры тутоваго и другихъ деревьевъ, изъ оческовъ шелка и тому подобныхъ матеріаловъ. Способъ приговленія бумаги, употреблявшійся у Китайцевъ, положилъ основаніе нынѣ принятому писчебумажному производству. Впрочемъ, бумага, приготовлявшаяся Китайцами, имѣла свои особенности, сохранившіяся и до сихъ поръ; тонкая, рыхлая и пловучая, она извѣстна въ общежитіи подъ названіемъ китайской бумаги.

Персіяне, какъ кажется, первые научились у Китайцевъ выдѣлкѣ бумаги и именно около 650 хъ годовъ; въ это время славился своимъ писчебумажнымъ производствомъ городъ Самаркандъ, въ Бухаріи; отсюда вывозили бумагу и торговали ею, особенно по побережью Средиземнаго моря. Въ этомъ же городѣ узнали производство писчей бумаги Арабы. Покоривши Испанію и поселившись въ ней, Арабы принесли съ собою спо-

собъ выдѣлки бумаги. Но въ Испаніи не было ни бамбука, ни шелковицы, хлопчатая бумага стоила дорого. Общеупотребительныя ткани были льняныя; въ льнѣ и въ старомъ полотняномъ платьѣ стали искать матеріала для производства писчей бумаги. Льняное волокно оказалось не только не хуже хлопчатобумажнаго, но даже во многомъ лучше его; оно давало бумагу плотную, болѣе удобную для письма. Эти опыты положили начало выдѣлки бумаги въ Европѣ. Производство льняной бумаги, начавшееся въ Испаніи, перешло во Францію, Италію, Голландію и Германію. Въ 14 мѣ столѣтіи во Франціи славилась уже производствомъ бумаги города Труа и Ессонъ, а въ Германіи—г. Нюрнбергъ. Въ Англіи первая значительная фабрика основана была въ 1588 году; королева Елизавета поручила нѣмцу Шпильману устроить фабрику для выдѣлки бумаги, но производство шло довольно дурно и приготавливались нисшіе сорта писчей и оберточной бумаги. Только съ 1770 года въ Англіи писчебумажное производство быстро начало улучшаться. Въ этомъ году основана была знаменитая фабрика въ Майстонѣ; хозяиномъ ея былъ Ватманъ, простымъ работникомъ изучившій производство во Франціи и Германіи. Имя Ватмана, оказавшаго огромную услугу Англіи въ дѣлѣ писчебумажнаго производства, сдѣлалось нынѣ общеизвѣстнымъ; до сихъ поръ высшіе сорта рисовальной бумаги сохранили названіе бумаги Ватмана, какъ перваго ея производителя.

Въ древней Руси едва ли не первоначальнымъ ма-

да опытовъ, продолжавшихся не года, но цѣлыя столѣтія.

Положительно извѣстно только, что впервые писчая бумага получила общественное значеніе и стала выдѣлываться въ большемъ количествѣ въ Китаѣ и Японіи. Китайцы, подарившіе насъ порохомъ и компасомъ, познакомившіе съ шелкомъ и его обработкою, были первыми учителями и въ дѣлѣ писчебумажнаго производства. Уже за 2000 лѣтъ до Рождества Христова у Китайцевъ и Японцевъ писчая бумага была во всеобщемъ употребленіи; они дѣлали ее изъ хлопчатой бумаги, волоконъ бамбуковаго дерева, бумажной шелковицы (бруссонеціи), коры тутоваго и другихъ деревьевъ, изъ оческовъ шелка и тому подобныхъ матеріаловъ. Способъ приговленія бумаги, употреблявшійся у Китайцевъ, положилъ основаніе нынѣ принятому писчебумажному производству. Впрочемъ, бумага, приготовлявшаяся Китайцами, имѣла свои особенности, сохранившіяся и до сихъ поръ; тонкая, рыхлая и пловучая, она извѣстна въ общежитіи подъ названіемъ китайской бумаги.

Персіяне, какъ кажется, первые научились у Китайцевъ выдѣлкѣ бумаги и именно около 650 хъ годовъ; въ это время славился своимъ писчебумажнымъ производствомъ городъ Самаркандъ, въ Бухаріи; отсюда вывозили бумагу и торговали ею, особенно по побережью Средиземнаго моря. Въ этомъ же городѣ узнали производство писчей бумаги Арабы. Покоривши Испанію и поселившись въ ней, Арабы принесли съ собою спо-